

Валентина Николаевна Калиновская

Ольга Альбертовна Старовойтова

Россия, Институт лингвистических исследований РАН Санкт-Петербургского государственного университета

Типы лексической сочетаемости в русском тексте XIX века (комбинаторика – семантика)

Ключевые слова: русский язык, русский язык XIX века, лексическая сочетаемость, историческая лексикография.

Key words: the Russian Language, the 19th Century Russian Language, lexical co-occurrence, historical lexicography.

Abstract

In the Russian language of the 19th century, a lexical collocation became a source of increased semantic tension, which led to differences in the semantics of words within word collocations. The study of lexical co-occurrence types is a particular issue of the “linguistic use” problem, the solution of which presupposes taking into account both extralinguistic and linguistic factors determining the syntagmatic relations and word potentialities in the determined historical period of language development. An important aspect of this linguistic phenomenon is an identification and description (also a lexicographic one) of the types of free lexical co-occurrence.

Изучение типов лексической сочетаемости является частным вопросом общей проблемы «языкового употребления», синхронно-диахронический аспект которой предполагает учет как экстралингвистических, так и собственно лингвистических факторов, определяющих синтагматические связи и потенции слова в тот или иной исторический период развития языка.

XIX век в динамическом плане характеризуется несколькими важными тенденциями, берущими начало в XVIII веке. Во-первых, вследствие большей комбинаторной свободы прежде различных по стилевой принадлежности лексем, обусловленной языковыми изменениями предшествующей эпохи, лексическое сочетание становится источником повышенного семантического напряжения

и, следовательно, «повышенной энергетике текста», что создает условия для реализации референции «говорящего» и соответственно ведет «к существенному различию семантики слов в рамках словосочетания» [Осипов 2002: 40].

Фразеологический аспект «употребления языка», который регулируется двумя разноорганизованными системами – лексико-семантической и синтаксической, также чрезвычайно важен с точки зрения взаимодействия русского и заимствованного элементов в пространстве русского языка (проблема интерференции). На этом уровне (ср. замечание Л.В. Щербы о том, что единицей речи является не слово, а более обширный семантический комплекс – словосочетание, синтагма) определяются правила функционирования нового заимствованного слова, преодолевается его «языковое одиночество в новой системе» [Кутина 1981: 158].

Наконец, чрезвычайно важную информацию как с точки зрения собственно языкового развития (расширение объема денотативного класса или понятия), так и с точки зрения языковых особенностей неязыковой реальности (прагматическая характеристика слов-распространителей) может представить изучение типов свободной сочетаемости в определенный период истории языка.

«Для наглядной демонстрации языковых фактов больше возможностей дает выбор более ограниченного во времени периода, связанного с одним языковым состоянием» [Сорокин 1977: 7], и в этом отношении бурный и динамичный XIX век предоставляет широкие возможности для изучения типов лексической сочетаемости.

«Словарь русского языка XIX века» – новаторский лексикографический проект, реализуемый созданным в 2002 году авторским коллективом группы исторической лексикологии и лексикографии ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург), – последовательно воплощает на практике идею представления более обширного, чем слово, семантического комплекса – словосочетания (о важности изучения лексической сочетаемости в целом и представления отдельных ее типов в историческом словаре см. [Кутина 1975]). Некоторые результаты научно-исследовательской (изучение языка XIX века) и практической деятельности по подготовке (составлению словарных статей) данного лексикографического издания представлены в настоящей публикации, и основное внимание в ней уделено свободным устойчивым сочетаниям в силу их важности для понимания языковых процессов, культурно-исторической специфики словоупотребления конкретной эпохи (что подтверждается опытом составления «Словаря русского языка XVIII века»), а также по причине традиционно меньшего исследовательского внимания к ним.

1) В качестве самостоятельных единиц в структуре словарной статьи не выделяются свободные неустойчивые сочетания, однако они становятся объектом пристального исследовательского внимания при разработке собственно семантики лексической единицы: их учет принципиально важен при выделении нового лексического значения (лексико-семантического

варианта) слова, формирующегося в типичных или специфических для XIX века словосочетаниях. Такие актуальные употребления слова представлены в словаре исключительно иллюстративным материалом. Например, для прилагательного *безбородый* значение ‘бреющий бороду в соответствии с требованиями религии (униатской, католической, буддийской и т.п.), должностного или служебного регламента, устава (о чиновниках, военных)’ является новацией XIX века. В иллюстративном материале данной словарной статьи даются примеры свободных неустойчивых сочетаний:

Второстепенные же места и сельские приходы буду замещать впоследствии священниками безбородыми [Псм митрополита И. Семашко (1840)].

В безбородом штатском она начала распознавать бывшего воспитанника того заведения, где теперь ее Сережа [П.Д. Боборыкин, Поумнел (1890)].

Подобного типа сочетания также фиксируются при употреблениях, которые помещаются в словаре за «тире Срезневского» (–), знаком, маркирующим еще не сформировавшееся значение:

‘– Перен. Начинающий, неопытный в каком-либо деле (часто иронически)’. *У нас на Москве А.А. Орлов готовит полное издание своих романов... Боже мой! сколько надежд, сколько сладостных надежд!.. Если они исполнятся, пусть тогда ренегаты и безбородые Шеллинги и Гегели доказывают, что у нас нет литературы!..* [В.Г. Белинский, Метеорологические наблюдения над современною русскою литературою (1836)]¹.

‘– Перен. Публ. Ирон. О чем-либо новом, нарождающемся, еще не окрепшем’. *А нужно признаться, жар, с которым у нас на поверхности общества бьются, чтобы найти какую-то потерянную национальность, доходит до невероятной степени. [...] между тем как эта упрямая национальность ускользает от всего этого тщетного труда, фабрикуют новую национальность, которую желали бы наложить на страну, относящуюся, впрочем, совершенно равнодушно к лихорадочному увлечению этой безбородой науки* [Н.И. Страхов, Славянофильство и Гегель (1864)].

Все приведенные примеры являются семантическими новациями – дериватами от основного значения прилагательного *безбородый* (‘не имеющий бороды’), на базе которого сформировалась семантическая мотивационная модель, получающая актуальное (символическое) содержание в конкретной лингвокультурной ситуации (ср. *безбородый юнец*).

Показателем того, как важно для русской ментальности положительное качество, которое находится в центре внимания, является в русском языке

¹ Здесь и далее иллюстративный материал, представляющий тип словарной статьи, дается в соответствии с положениями Проекта «Словаря русского языка XIX века» [Словарь 2002].

XIX века широкая сочетаемость, например, имени существительного *доброкачественность*, деривата прилагательного *доброкачественный* (подобным специальным уточнением сопровождалось в языке понятие о положительном качестве): *доброкачественность доходов, погоды, произведений* и т.п. Круг референтов, по отношению к которым употребляется данное абстрактное существительное, расширяется благодаря формированию этического компонента: *доброкачественность человека, предков* и др. Подобные словосочетания демонстрируют реализуемую в текстах возможность характеризовать с помощью данного слова нравственную сущность человека, проявляющуюся в речи, поступках, делах:

Но в том-то именно и заключалась доброкачественность наших предков, что, как ни потрясло их описанное выше зрелище, они не увлеклись ни модными в то время революционными идеями, ни соблазнами... [М.Е. Салтыков-Щедрин, История одного города (1869)].

В наше время доброкачественность и достоинство каждого человека измеряются не тем, умен ли он или нет, – умны все, – а тем, в какой мере каждый из нас способен отказаться от мысли, что он умнее всех на свете [А.В. Никитенко, Дневник (1855)].

Свободные неустойчивые сочетания дают представление о скрытых потенциальных смыслах, заложенных в семантическом ядре слова, которые реализуются в соответствующих речевых ситуациях. Демонстрация этих возможностей в историческом словаре дифференциального типа делает такие сочетания чрезвычайно репрезентативными в отношении выявления механизмов языковой динамики, обусловленной социально-историческими условиями общения в конкретный исторический период.

2) В качестве особых единиц употребления Словарь, следуя своей концепции и продолжая традиции исторической лексикографии нового времени («Словарь русского языка XVIII века»), рассматривает и описывает два вида лексической сочетаемости: свободные устойчивые сочетания и разные типы несвободных сочетаний. Свободные устойчивые сочетания демонстрируют, как правило, те случаи лексических связей, которые отражают специфику XIX века и не характерны для последующего (современного) употребления; их свобода и устойчивость определяются ограничением типического набора (однопорядковых, однородных, синонимичных) распространителей, регулируемых значением главного слова. В структуре словарной статьи они помещаются сразу за материалом, иллюстрирующим лексическое значение, и не требуют вводящих знаков и специального толкования, поскольку отражают то же лексическое значение; они даются как строка свободных сочетаний. Так, например, для прилагательного *беспризорный* характерны устойчивые сочетания *беспризорный сирота* и *беспризорный человек*, являющиеся новациями XIX века.

Интересные примеры сочетаний отмечены в текстах XIX века, например, для прилагательных *балаганный* и *меркантильный*. В соответствующих словарных статьях фиксируется следующая устойчивая сочетаемость: *балаганный стиль, балаганные принципы; балаганная обстановка; меркантильный век; меркантильная жизнь, среда; меркантильный взгляд, ум; меркантильная душа; меркантильный дух*. «Исторический культурный слой, политическая и социальная ситуация в стране накладывают свой отпечаток и оказывают свое влияние на словарь. Каждый словарь – зеркало своей эпохи», – утверждал А.С. Герд [Герд 2008: 9]. Приведенные выше строки сочетаний являются своеобразными «приметами времени», объективными свидетельствами социокультурных процессов, происходивших в обществе. Их ментальное и вербальное оформление отражает идеологическую норму эпохи.

В составе строки могут быть представлены сочетания из разных сфер употребления (*агронмия английская, немецкая, российская, русская; чужая; аккорд пытки; аккорд суеты; аккорд бытия, мироздания, творчества; аккорд поэзии, прозы, прессы...*), имеющие различную стилистическую маркировку (*крестьянский, помещичий, землевладельческий, деревенский абсентеизм; культурный абсентеизм*), различающиеся хронологически (*ловкий акробат (1847), либеральный акробат (1874), политический акробат (1879)*). Таким образом, в рамках сочетаний с компонентами семантически гомогенного типа могут возникнуть новые сочетания с оценочным компонентом, переводящим синтагму в иное концептуальное поле: *российская / чужая агронмия; крестьянский, помещичий / культурный абсентеизм*.

Спецификой текстов XIX века является формирование свободной устойчивой сочетаемости с оттопонимным прилагательным; некоторые из такого рода сочетаний (составные номинативные единицы) демонстрируют ментальный процесс вербального оформления важных культурно значимых понятий. В словаре эта особенность передается с помощью строк со специфическим набором распространителей, указывающих на динамику референтных признаков, формирующих самостоятельные значения относительного прилагательного. Например, для прилагательного *абиссинский* в структуре разных значений представлены следующие строки: 1. *абиссинский негус (нэгус, негои) [...] государь, монарх, император*; 2. *абиссинский язык; абиссинские буквы; абиссинская (любезная) фраза*; 3. *абиссинский тип; абиссинская натура*. Многие сочетания представляют интерес с точки зрения содержащейся в них лингвокультурной информации: *У нее <Ее Высочества> накрывали стол, и она оставила меня обедать. Вывели и Илюшу, и Наташу; и тот, и другая с виду несколько абиссинского типа* [Псм К.П. Победоносцева Александру III (1881)].

Что касается взаимодействия разнородных с точки зрения генезиса компонентов в структуре словосочетания в пространстве русского языка, интерес представляют свободные устойчивые сочетания с русским (к которым относим в т.ч. лексические новообразования от заимствованных основ, оформленные по

законам грамматики русского языка) и заимствованным элементами, например: *административный авгур, земский авгур; газетный авгур; авгуры печатного слова; грозный, строгий аристарх; нынешний, современный аристарх; записной аристарх (нашего / того времени); гнусная венера; придворная венера; венера кошечьей породы; поэтический геркулес, геркулес политической экономии; местный, туземный, петербургский эскулап; баталионный, губернский, деревенский эскулап* и под. Процесс европеизации русской культуры, приобретший широкий размах в XVIII веке, способствовал активному употреблению в русском языке лексики, связанной с античной литературой и культурой [Войнова 1977]. Однако в отличие от языка XVIII века, где данной лексике свойственна возвышенно-риторическая, поэтическая или шутливо-ироническая стилистическая тональность [там же: 126], язык следующего столетия в определенном смысле интимизирует подобную лексику, «нейтрализуя» контекст: *Талант выражается вполне только в трудах, соответствующих его силам, а смелость и ретивость (свойства, которые опыт и время умеряют и направляют на истинный путь) заставляют г. Арбузова братья за все: за труды, требующие сил **поэтического геркулеса*** [К.Л., Стихотворения Н. Арбузова (1857)]; *Он, этот земский авгур, населяет теперь все вагоны, все гостиницы! [...] он проникает в педагогические, экономические, сельскохозяйственные и иные собрания и даже защищает там какие-то рефераты* [М.Е. Салтыков-Щедрин, *Дневник провинциала в Петербурге* (1872)].

Свободные устойчивые сочетания дают представление о формировании специфического культурно-исторического компонента (оценочного, символического) в семантической структуре конкретного слова, благодаря которому оно втягивает в свою орбиту определенный круг распространителей. Подобного типа лексические сочетания, зафиксированные словарем, служат иллюстрацией того, что употребление слова всегда исторически конкретно, а динамика его референтных признаков и новых концептуальных свойств определяется складывающейся культурной парадигмой – в данном случае необходимостью идентифицировать новую реальность, системно «вписать» ее в известный круг предметов, явлений и оформить этот процесс вербально.

Семантическое описание единиц было и остается первейшей задачей любого лексикографического проекта, в т.ч. исторического, однако словарь является тем источником, который с разной степенью эксплицитности представляет особенности сочетаемости лексем. Внимание к синтагматическому аспекту позволяет достигнуть объективно значимых результатов в презентации языкового состояния определенной эпохи.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрены разные виды свободной лексической сочетаемости: 1) сочетаемость неустойчивого типа (в Словаре в качестве отдельных единиц описания не выделяется), важная для учета семантической динамики конкретного слова (в Словаре подтверждается выделением нового значения, оттенка, аспекта и иллюстративным материалом)

– как в примере с прилагательным *безбородый*; 2) сочетаемость устойчивого типа (в Словаре дается в виде строк свободных сочетаний): сочетания такого типа не связаны с изменением значения конкретного слова, развивающего при себе круг «однопорядковых» распространителей, указывающих на специфику его употребления (социокультурную, идеологическую и т.п.) в конкретный исторический период функционирования языка. При этом в случае многозначности каждое из значений может иметь свой круг распространителей и – соответственно – строки свободных сочетаний, фиксируемых Словарем (см. примеры слов *абиссинский* или *акробат, авгур, эскулан*).

Академик В.В. Виноградов справедливо полагал, что ключевая для построения истории слов идея «воспроизвести полностью контексты употребления этих слов в разные периоды истории языка, а также разные виды их связей и соотношений с другими лексическими рядами» является неосуществимой целью [Виноградов 1999]. Исторический словарь дифференциального типа, учитывая и представляя разного вида лексическую сочетаемость, позволяет не только показать типологически наиболее значимые для эпохи речевые конструкции, но и выявить некоторые общие закономерности семантической динамики (развитие новых значений, формирование дополнительных коннотаций) лексической единицы в условиях новой комбинаторики, обусловленной взаимодействием и соположением смежных и разнопорядковых понятий, стоящих за словами.

Мысли ученого о том, что «мир значений, запечатленный в формах языка, имеет в разных системах свои законы связей, свои принципы построения», «слова, идеи и вещи должны изучаться как аналогические и взаимодействующие ряды явлений» [Виноградов 1999], находят свое практическое воплощение в представленном для анализа материале, выборочный характер которого эксплицирует авторскую концепцию составителей «Словаря русского языка XIX века», опирающихся на традиции отечественной исторической лексикологии.

Литература

- Виноградов В.В., 1999, *История слов*, <http://www.wordhist.ru>, дата обращения: 25.10.2017.
- Войнова Л.А., 1977, Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. [в:] *Проблемы исторической лексикографии*, Ленинград: Наука, с. 121–129.
- Герд А.С., 2008, «Словарь русского языка XIX века» в свете проблем общей лексикографии [в:] *Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. Материалы III Всероссийской научной конференции*, Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, т. IV, ч. 3, Санкт-Петербург: Наука, с. 9–16.
- Кутина Л.Л., 1975, Лексическая сочетаемость в историческом словаре и ее роль в описании семантики и словоупотребления [в:] *Проблемы славянской исторической*

лексикологии и лексикографии. Вып. 4 (Теория и практика исторической лексикографии), Москва, с. 9–12.

Кутина Л.Л., 1981, Формирование норм словоупотребления при заимствовании и теория интерференции [в:] *Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения академика Л.В. Щербы*, Ленинград: Наука, с. 157–160.

Осипов Б.И., 2002, Размышления о русском слове [в:] *Мир русского слова*, № 1, с. 39–44.

Словарь русского языка XIX в. Проект, 2002, Санкт-Петербург: Наука.

Сорокин Ю.С., 1977, Что такое исторический словарь? [в:] *Проблемы исторической лексикографии*, Ленинград: Наука, с. 4–27.